

П. Д. Новиков

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.01.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2

15

Для цитирования: Новиков П. Д. Доктринальный фактор правовой коммуникации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 15—23. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2.

Предметом научного консенсуса является утверждение о том, что правовая доктрина оказала существенное влияние на развитие права — по крайней мере, в рамках романо-германской (континентальной) правовой семьи. Вместе с тем механизмы правообразующего воздействия доктрины остаются малоисследованными в отечественной юриспруденции; можно отметить также пробелы и несогласованность в понятийном аппарате исследований по данной проблематике. В статье предпринята попытка описать функционирование доктрины в правообразовании с помощью понятия «доктринальный фактор правовой коммуникации» (которое до сих пор не становилось предметом тщательного научного анализа в контексте постнеклассического правовопонимания) и дать ему определение. Методологическую основу исследования формируют коммуникативная теория права (одна из ведущих в рамках постнеклассической юридической науки) и современные теоретические представления о функциях правовой доктрины как составляющих процесса конструирования правовой реальности (системы). В результате исследования разработано авторское определение доктринального фактора правовой коммуникации как правовой коммуникации в той ее части, которая опосредована доктринальными текстами и в ходе развития которой конструируется правовая система. Предложенное определение обобщает различные формы проявления доктрины в правовой коммуникации и выглядит предпочтительнее с точки зрения полноты содержания.

Ключевые слова: доктринальный фактор, коммуникативная теория права, правовая доктрина, правовая реальность, правовая система, правообразование

Введение

Правовая доктрина — феномен, породивший современное восприятие права. Вместе с тем в наши дни исследователи зачастую критически оценивают перспективы доктрины, которая воспринимается при этом как определенный рудимент прошлой эпохи и атрибут конкретного пе-

риода в истории права, в связи с чем (в том числе в отечественной юридической науке) все еще слабо изучены механизмы функционирования правовой доктрины в процессе правообразования, несмотря на ряд основополагающих работ С. В. Бошно, А. М. Михайлова, В. Д. Перевалова и др. [2; 16; 19].

Также наблюдается отсутствие консенсуса в понятийно-категориальном аппарате: находятся работы, в которых фигурируют «значение» [18], «роль» [5], «влияние» [8], «воздействие» [6] доктрины на правообразование и т. п. Достаточно очевидна синонимичность указанных слов, каждое из которых описывает лишь определенный аспект функционирования доктрины, но не пытается системно охватить по возможности весь спектр особенностей ее участия в правообразовании. Более того, такая «разноголосица» в обозначениях форм проявления доктрины, на наш взгляд, снижает качество научного стиля и, соответственно, уровень научности исследований.

Наиболее удачный термин «доктринальный фактор правового воздействия» нашел, по нашему мнению, А. А. Зозуля. Доктринальный фактор он отождествляет со всей совокупностью случаев востребованности правовой доктрины при регулировании общественных отношений [10, с. 112]. При этом автор придерживается сугубо позитивистского мнения, что существование правовой доктрины обусловлено ее признанием со стороны государства [9, с. 7]. Такая позиция в современных реалиях юридической науки и постиндустриального общества, полагаем, слишком узка и одностороння. В настоящем исследовании предпринята попытка разработать подход, который позволил бы адекватно описать формы проявления правовой доктрины в правообразовании и дать определение понятию доктринального фактора на основе постнеклассической методологии — как фактора правовой коммуникации.

Методология

Исследование основано на методологических положениях коммуникативной теории права, разработанной в трудах А. В. Полякова [21 — 23] и его последователей. В центре коммуникативного правопонимания находится феноменологически выявленное правомочие, объективированное в масштабах общества в форме правовой коммуникации, а право рассматривается как аутопоэтическая (самовоспроизводящаяся) система. Правовая доктрина с точки зрения коммуникативного подхода к праву понимается как «изложение каких-либо правоположений, правил поведения, правовых принципов, принадлежащее наиболее авторитетным представителям юридической науки и практики, которым придается общезначимое и общеобязательное значение и из которых выводится правило поведения имеющее предоставительно-обязывающий характер» [21, с. 641].

Исследование также опирается на теоретические представления о функциях правовой доктрины как составляющих процесса конструирования правовой реальности (системы), обоснованные Н. В. Разумевым [25].

Основное исследование

Несмотря на то что в социогуманитарном разделе научного знания термин «фактор» довольно широко распространен, подходы к его трактовке различны. Социологи А.В. Повshedный и В.А. Малинин под фактором (в контексте социологического анализа) понимают фактически совокупность причин, оказывающих «воздействие на характер и направленность социальных процессов и явлений» [20, с. 21]. Полагаем, что подобное отождествление фактора с причиной стирает между ними какие-либо различия. Демограф А.В. Воронцов устанавливает критерий осведомленности о механизме причинно-следственной связи для различения фактора и причины: воздействие причины на явление хорошо изучено, но фактор говорит о сомнениях и лишь предполагает причинно-следственную связь между ним и явлением [4, с. 16]. Социолог, демограф, экономист Л.Л. Рыбаковский объясняет (имея в виду также демографические процессы), что факторы являются производными условий — естественных и социальных [26, с. 51 — 55]. Когда определенные явления начинают зависеть от этих условий, то последние становятся фактором соответствующего явления (фактором-катализатором, стимулирующим это явление, или фактором-ингибитором, то есть сказывающимся на явлении отрицательно). Факторы, по Л.Л. Рыбаковскому, однако, не взаимодействуют с явлением напрямую — они обуславливают психику и поведение человека, которые, в свою очередь, уже непосредственно связаны с самим явлением (то есть становятся его причиной). Эта идея в определенной степени коррелирует с коммуникативной теорией права, в рамках которой права не существует вне интерпретации, а значит и помимо человеческого сознания [22, с. 44].

Факторный анализ истории человечества нашел свое отражение в работах историка С.А. Нефедова [17, с. 90]. Он отождествляет факторы исторического процесса с главными причинами, которые «обуславливают исторические события», а также с «движущими силами истории». Упоминает ученый такие разновидности факторов, как технологические и демографические.

В рамках юриспруденции к определению термина «фактор» обращались Н.А. Придворов и В.В. Трофимов [24, с. 158]. По их мнению, юридические факторы суть разнообразные (экономические, культурные, экологические и т.д.) социальные факты, оказывающие влияние на процессы правообразования, в частности те, которые вызывают изменения действующего законодательства, принятие новых норм. Данный подход, как представляется, не противоречит коммуникативному пониманию права: акты коммуникации также являются социальными фактами. Следовательно, деятельность ученых-юристов, представляемая как социальный факт, будет в таком случае оказывать влияние на процессы правообразования (правовой коммуникации).

Широко используется термин «фактор» в уголовно-правовых и криминологических исследованиях. Так, В.А. Бугаев и А.В. Чайка отождествляют факторы с причинами и условиями, не проводя никакого различия между ними [3, с. 140]. Н.Ф. Кузнецова считает фактор синонимом детерминанты, которая, в свою очередь, может быть причинной

(то есть находиться в непосредственной, генетической связи с явлением — причинная детерминанта порождает следствие) или непрчинной (способствует формированию причины и ее действию) [28, с. 319–320]. В. Д. Малков также отождествляет фактор с детерминантой, понимая их как обстоятельства, порождающие явление и обуславливающие его существование [13, с. 58–64]. А. И. Долгова избегает дефиниции фактора, но замечает, что использование данного термина характерно для стадий первоначального накопления знаний и научных данных [12, с. 290]. Эта мысль, как представляется, косвенно коррелирует с позицией А. В. Воронцова о факторе как недостаточно изученной причине.

При обобщении изложенных позиций прежде всего обращает на себя внимание, что практически все исследователи принимают сторону того, что философ Г. П. Меньчиков называет линейным детерминизмом, свойственным классической научной рациональности. Это означает, что действительность рассматривается механистически, то есть как допускающая строгие цепочки следствия: определенное явление с неизбежностью приводит к соответствующему результату [14, с. 10–11]. Подобная методология обнаруживает свою архаичность в реалиях современной науки. Как замечает Ф. В. Грушин, категории причины и следствия не могут повсеместно использоваться при рассмотрении правовых явлений [7, с. 31], при этом, по мнению А. Н. Шевелева, феноменологии (а, следовательно, и феноменологически понимаемому праву) чужды указанные методы [29, с. 153].

Если же обращаться к дискуссиям вокруг статуса правовой доктрины, то здесь методологическими «традиционалистами» выступают авторы, придерживающиеся позитивистского правопонимания, как, например, А. А. Зозуля, позиция которого была изложена выше. В его рассуждениях обращает на себя внимание не самое удачное логическое построение: если доктрина существует только по воле государства, то как в таком случае понять, когда использована именно доктрина? Выходит, что в качестве доктрины может выступить совершенно любой текст, который сувереном будет назван доктриной, а это, в свою очередь, ведет к дефляции правовой доктрины и потере ею субъектности как правового текста (или формы права в позитивистской терминологии). Полагаем, и в этом мы солидарны с А. М. Михайловым [15, с. 480–481], что привязка доктрины исключительно к воле суверена лишает всякого смысла какие-либо дальнейшие дискуссии насчет правовой доктрины.

Иную перспективу изучения правовой доктрины предлагает коммуникативная теория. В ней правовая коммуникация мыслится как правовая система — интеллектуально вычлененная из массива социальных отношений (правовой действительности) их идеальная модель. Поскольку элементами правовой системы, по А. В. Полякову, выступают правовые тексты, средства легитимации и система права, то в этой схеме доктрина становится элементом системы в качестве правового текста. В сущности, в рамках коммуникативного правопонимания различные формы и функции проявления правовой доктрины в процессе правовой коммуникации и есть часть этой самой коммуникации.

Н. В. Разуваев, также исследовавший природу правовой доктрины, использует термин «правовая реальность», который, думается, тожде-

ственен правовой системе у А. В. Полякова, поскольку последняя, состоя из правовых текстов, средств легитимации и системы права, фактически и является «результатом конструирования средствами, имеющими по преимуществу семиотический характер» [25, с. 7]. Также Н. В. Разуваев предлагает рассматривать правовую реальность как через анализ одновременного воздействия на нее различных семиотических средств (синхронное измерение), так и в аспекте эволюционного развития знаковых систем, а также способов «знакового конструирования феноменов реальности» (диахронное измерение). Автор предлагает с помощью функций правовой доктрины описывать конструирование ею правовой реальности [Там же, с. 8–9]. Знаковое конструирование (или «социальный конструкционизм» в терминах Н. Г. Бондаренко, А. А. Коваленко и М. В. Гурина) служит в то же время неперенным атрибутом социальной (а стало быть, и правовой) коммуникации, который имеет своим итогом социальную реальность, выраженную в знаниях о ней у субъектов коммуникации [1, с. 103]. Н. Ф. Ковкель применительно к праву определяет эту деятельность как правовой семиозис, связанный с созданием и функционированием как отдельных правовых знаков, так и целых систем подобных знаков [11, с. 38].

Процесс конструирования правовой реальности (правовой системы), представленный через функции правовой доктрины, отражает, на наш взгляд, аутопоэтическое представление правового развития, то есть организацию правовой системы и ее самовоспроизводство (конститутивная и динамическая функции правовой доктрины у Н. В. Разуваева соответственно). Помимо этого, как отмечает С. Ф. Сергеев, «важным следствием аутопоэзиса является появление и проявление избирательных, селективных свойств живой системы по отношению к себе и среде своего существования. Система не может пропускать в зону самоорганизации своих внутренних операций те воздействия среды, которые могут привести к нарушению циклов аутопоэзиса» [27, с. 9]. Если спуститься с общеправового уровня методологии на уровень теории права, то становится ясно, что аналогичные задачи решает и доктрина в рамках правовой системы, находя выражение в селективной функции, которая, как полагает Н. В. Разуваев, описывает своеобразный фильтр, поддерживающий целостность правовой системы (реальности) и обеспечивающий ее воспроизводство за счет выявления релевантных юридических фактов. Способность доктрины становиться основным правовым текстом, заполняя пробелы, оставленные суверенным нормотворчеством (прескриптивная функция), а также наполнять конкретным смысловым содержанием явления правовой реальности (смыслообразующая функция) замыкают описание ее правообразующего воздействия.

Уходя от позитивизма и линейного детерминизма в определении фактора правообразования и следуя коммуникативному подходу, предлагаем следующее решение проблемы фактора правообразования: он тогда будет проявляться и, собственно, будет таковым, когда в процессе правовой коммуникации, опосредованной правовым текстом, будет происходить конструирование правовой системы, которое предстает как форма правообразования. При таких условиях фактором правообразования и будет выступать сама по себе правовая коммуникация, но

обладающая спецификой в зависимости от той разновидности правовых текстов, которая опосредует соответствующую коммуникацию. Исходя из этих посылок, можно, на наш взгляд, описать многовариантное по своим проявлениям функционирование правовой доктрины в правообразовании с точки зрения коммуникативного правопонимания. Для этого мы предлагаем следующий термин и его определение: *доктринальный фактор правовой коммуникации* — это правовая коммуникация в той ее части, которая опосредована доктринальными текстами и в ходе которой конструируется правовая система.

Заключение

Термин «доктринальный фактор правовой коммуникации» объединяет в себе различные формы проявления доктрины в правовой коммуникации (как социального факта, как детерминанты поведения человека, как роли и значения, как механизма воздействия и т.д.), которые можно представить с помощью функций доктрины, составляющих в своей системной совокупности деятельность по конструированию правовой реальности (системы). Следовательно, и сам доктринальный фактор правовой коммуникации будет непосредственно связан с подобным конструированием. Предложенное нами определение прежде всего достигает цели описания правообразующего воздействия доктрины на правовую систему в контексте коммуникативной теории, реализуя попытку уйти от позитивизма и линейного детерминизма.

Подчеркнем, что «конструирование правовой реальности» — лишь пример того инструментария, который может быть использован для описания действия доктринального фактора, поскольку возможны и иные подходы (в зависимости от типа правопонимания, исследуемых аспектов правовой доктрины и т.д.). Поэтому можно утверждать, что дальнейшие научные поиски в данной области обладают несомненным потенциалом.

Список литературы

1. Бондаренко Н. Г., Коваленко А. А., Гурин М. В. Общество и знание: социальная конструкция реальности // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, №5 (62). С. 100–105.
2. Бошино С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. №2-3. С. 35–45.
3. Бугаев В. А., Чайка А. В. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, №4. С. 139–145.
4. Воронцов А. В. Некоторые теоретические аспекты демографии // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2011. Т. 6, №1. С. 11–16.
5. Гильмуллин А. Р. К пониманию роли правовой доктрины в судебной ветви власти // Аграрное и земельное право. 2016. №3 (135). С. 41–44.
6. Гильмуллин А. Р. О правовой доктрине в исполнительной ветви власти // Правовое государство: теория и практика. 2017. №1 (47). С. 79–85.

7. Грушин Ф. В. Факторный подход в отраслевых юридических науках // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №2 (16). С. 31–36.
8. Довгань Е. Ф. Влияние правовой доктрины на формирование и развитие международного права // Право.by. 2019. №6 (62). С. 128–134.
9. Зозуля А. А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
10. Зозуля А. А. Доктринальный фактор формирования советского и постсоветского российского права // Science Time. 2014. №7. С. 111–116.
11. Ковкель Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. №4 (333). С. 38–59.
12. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
13. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
14. Меньчиков Г. П. Проблема детерминизма и ее решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Часть 1 // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. №1. С. 10–17.
15. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология : учебник для вузов. М., 2021.
16. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и профессиональное мышление юристов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. №3 (50). С. 74–90.
17. Нефедов С. А. О факторах исторического процесса // История и современное мировоззрение. 2019. №1. С. 89–95.
18. Николаев Б. В. Значение правовой доктрины в систематизации законодательства США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №3 (31). С. 5–11.
19. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №5 (113). С. 42–48.
20. Повишний А. В., Малинин В. А. Факторный подход в контексте социализации современного подростка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. №1. С. 20–23.
21. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. М., 2016.
22. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, №6. С. 39–101.
23. Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. №6 (305). С. 199–209.
24. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2021.
25. Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. №1. С. 5–22.
26. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. №2 (76). С. 51–61.

27. Сергеев С.Ф. Механизмы аутопоззиса в системном базисе техногенного мира // Открытое образование. 2014. №6 (107). С. 8–14.

28. Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2007.

29. Шевелев А.Н. Потенциал феноменологического подхода в историко-педагогических исследованиях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 6, № 14. С. 151–162.

Об авторе

Петр Дмитриевич Новиков — асп., ассист. Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0003-6464-7014

E-mail: pnovikoff@yandex.ru

P. D. Novikov

THE DOCTRINAL FACTOR OF LEGAL COMMUNICATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 14 January 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2

To cite this article: Novikov P.D., 2025, The doctrinal factor of legal communication, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 15–23. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2.

It is a matter of scholarly consensus that legal doctrine has significantly influenced the development of law – at least within the Romano-Germanic (continental) legal tradition. However, the mechanisms through which doctrine exerts its law-shaping influence remain insufficiently explored in Russian legal scholarship. One may also note conceptual gaps and inconsistencies in the terminology employed in studies on this subject. This article attempts to describe the functioning of doctrine in the formation of law through the concept of the “doctrinal factor of legal communication” – a notion that has not yet undergone thorough scholarly analysis within the framework of post-nonclassical legal understanding – and to provide a definition of it. The methodological foundation of the study is built upon the communicative theory of law (one of the leading approaches in post-nonclassical legal science) and contemporary theoretical perspectives on the functions of legal doctrine as components of the process of constructing legal reality (legal systems). As a result of the study, the author proposes a definition of the doctrinal factor of legal communication as that segment of legal communication mediated by doctrinal texts, through which the legal system is constructed. The proposed definition integrates various manifestations of doctrine within legal communication and appears preferable in terms of conceptual comprehensiveness.

Keywords: doctrinal factor, communicative theory of law, legal doctrine, legal reality, legal system, law formation

The author

Petr D. Novikov, PhD Student, Assistant Professor, Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0003-6464-7014

E-mail: pnovikofff@yandex.ru